

Пикантность в кармане

Хворостовский и Аркадьев отметили юбилей

Д.Хворостовский

Но, разумеется, не в юбилей — десятилетий творческого союза — заключалась пикантность их совместного концерта в БЗК. И не в программе, поскольку и Малер Хворостовского (хотя и другой цикл) у меломанов на палитре, и с его Моцартом любознательные могли познакомиться не вживую, а по экрану. Пикантность традиционно обозначала эротическая личность певца, притягательная даже телера, когда его голос терпит в крайности, делается все суше и жестче, плещет мелодия нового дирижера по имени Михаил Аркадьев. Аккомпанатор Хворостовского, попробовавшего себя уже и в педагогике, и в сольном концертном пении, и в оочинительстве (как музыкант, так и музыкально-философской трактовкой), ныне неудачливо влечет к оркестру Сперному — по волеу. Он уже продиректорил в Риме "Электрой" в московском "Телескопе" — "Кремль", теперь вышел с филармоническим оркестром Юрия Симона и публике Большого зала консерватории, избран для демонстрации своих новых возможностей все тот же — оперный — материал.

Первый результат его опыта: никогда еще Дмитрий Хворостовский не казался таким интровертом, как сейчас: рядом со своим азартным (и в азарте несколько переключившимся по части внешнего рисунка "рогий") партнером Аркадьеве выплескивал энергию — Хворостовский заурывал свое маленьким дощечкам. Аркадьеве потов был говорить со всем миром — Хворостовский говорил все больше с собой... если только принятой тому не

прозаическая нехватка выразительных средств, при которой наиболее удачные мажоры становятся лириками. А именно в диалогическом до-до-ти, идеально подходящем для интимных монологов и публичного одиночества, Хворостовский кароль Давидит дево до форте, то есть до аполлоны к миру, к Богу — звук его приобретает натурность и обидает. Прежде всего от этого пострадали мажорские "Песни об умерших детях", призванные стать выразительным центром программы и, конечно, ставшие ими в силу традиционной мощи Малера и классной вокальной культуры Хворостовского — самодеятельных. Но список оговорок при этом выйдет немал. К уже упомянутому изъяму певца прибавится и испытываемое им театральное неудобство ("Песни" ему неуютны), и непрозрачность некоторых мест, и такая мелочь, как повелевающая привычка держать руку в кармане, и такая неважная, как программа или по части интересности высказываемая оркестру. Что здесь, увы, не комплимент, поскольку говорить о современности в дуэте — значит удручать его неудачу.

А до удач будет еще далеко. И путь к ней, пролеглий через все итальянское отделение (куда вошел и Моцарт со своим "итальянским" операм "Свадьба Фигаро" и "Дон Жуан"), будет ускорен как шампанским, так и если не розами, то розовыми лепестками. В числе первых — дуэтная разбалаболовка и отсутствие бисекса в жанровой Арии с шампанским, в числе последних — Канцона из той же оперы, предста-

внешая обольстительница своего века, берущего не итальянской сладостью, а чашей черной дыры. Но консонанс во всем бисексе не только под самый занавес — когда наумчилось с эволюцией Россини (увертюра к "Сорочье-воровство" божественным гармоническим контрастом) и оркестр вступил в раздольные воды леонавалловского "Телефе". И когда туда же нырнет и свободившийся из тучки камзола Альмавивани и Жуана Хворостовский (хотя, правда, Пасторелло не привалил с собой в Москву, что могло бы быть овердейной сенсацией, поскольку представить певца в этой базовой партии невозможно) — не именно же, как было сообщено со сцены, он сейчас и заключившие музыка с заглавной, для канцонеры... Но к прологу из "Телефе", ставших блистательным дуэтом с финалом. Пролог оказался у оном и начинающуи дирижером, что неудивительно, и мажорному листу, что удивительно, поскольку такие крупномольные вещи в репертуаре — вроде ветровки в пидебете дяди. Не к лицу. Но окаялось, он и в ней, по крайней мере, не мунит на петь, — комедия.

Разгоряченная публика ждет бисекса, тем более что они ей бы обещаны заранее. Но юбилейеры развлеклись романсом Чайковского "Средь шумного бала" (ранее на рога Михаил Аркадьеве виртуозно роль). Нет, все-таки Хворостовский родился лириком. Подарок опера. Ему еще так много надо петь, чтобы в коверном искусстве

Лариса ДОЛГАЧЕВА

